

Quintessence philolog
ЛУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. НИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

КЊИГА V.

БЕОГРАД 1925—1926.

Акцентологические этюды.

(Addenda et corrigenda.)

Мои этюды, напечатанные в ж. „Јужнословенски Филолог“ IV¹ стр. 114—139, 139—150, писались несколько лет назад. Вопросы, разработанные в них, после сдачи рукописи в печать нераз были предметом моего дальнейшего изучения как со стороны материала, так и сделавшейся для меня доступной ценной научной литературы последних лет, и потому перед тем, как перейти к следующим этюдам, я нахожу полезным задержаться на отдельных вопросах, которые теперь отчасти решаются мною по-другому, отчасти требуют некоторого углубления. Другие, в особенности касающиеся хронологии явлений, удобнее будет рассмотреть уже в дальнейшем.

Ia.

1. Проблема сохранения заударных акутированных долгот.

Словинский язык своими *krávat*, *krávaň* (ср. чакавск. *krāvaň* в Novi, с заударной краткостью) дает определенные свидетельства, что в подобном положении метатонии, resp. сохранения заударной долготы не было.

Есть ли это специально-словинская или, может быть, сербско-словинская утрата? Вондрак и до сих пор считает возможным поддерживать закон, согласно которому перед конечным полугласным заударная долгота (какого происхождения, он не говорит) в праславянском сохранялась.² Примеры его отнюдь, однако, не говорят в пользу подобного закона, ибо все входящие в § 26, относятся лишь к случаям *носовых*, и притом одинаково к слогу, предшествующему отпавшим *ъ*, *ь*, и такому, за которым следовал другой с гласным полного образования: шток. *мјѣсци*, *мјѣсца* и под.

¹ Порядок расположения этюдов в силу причин внешнего характера оказался не тем, какой первоначально имелся в виду. Прошу поэтому ссылки на „следующий этюд“ в первой статье относить к еще ненапечатанному этюду „Вторичные циркумфлексированные интонации в праславянском“, а во второй — к „Праславянским краткостям“. — На стр. 127 пропущена цифра раздела 2, начинающегося словами: „Не отражают принятых до сих пор положений несколько категорий фактов“.

² Další příspěvky k nauce o praslovanakém přízvuku §§ 26, 27.

Примеры же, включенные в § 27, или имеют циркумфлектированную интонацию, которая иначе рефлексировалась в отдельных языках (шт. *gōlāb*, gen. s. *gōlāba*), или же представляют частные случаи (чешск. диалект. *ovād*, *hovād*).

Единственно вескими остаются показания чешских и словацких dat. pl. *uranām*, *rybām*, loc. pl. *uranách*, *rybách*, которым соответствуют древне-польские примеры, отмеченные, напр. С. Кульбакиным („Къ истории и диалектологии польскаго языка“, 193 стр.). Словинск. *rābāx* делает, однако, сомнительным, чтобы обе данные формы были фонетическими: скорее здесь имело место западно-славянское удлинение *a* в закрытом слоге перед *m*, нефонетически распространившееся в чешском,¹ словацком и др.-польском на loc. plur.: ср. словацк. *nām*, *vām* (вслед за которыми, вероятно и *nās*, *vās*); параллельное явление в Сважендзе *nūt*, *vūt*, *nos*, *vos*,² тогда как в словинском только *nōūt*, *vōūt*, но *nās*, *vās*.

Применительно к чешскому и словацкому речь может идти еще о двух возможностях. Первая —: есть некоторые данные, говорящие в пользу того, что в этих языках долгота сохранялась в конечном подударном слоге, за которым отпал редуцированный: чешск. *zeměnín*, *dvořenín*, *velikán*, словацк. *čeladín*, *včelín*, *velikán*, др.-ч. *spravedlív*. Настаивать на таком положении, однако, нельзя, так как в примерах *zēmenín*, *dvořenín* и под. долгота встречается и в формах косвенных падежей и потому должна была бы толковаться в этих последних как аналогическая, а затем — имеется немало случаев отступающих, вроде чешск. *člověċ*, *hospodin*, *bratran*, *chodil* (ср. и словацк.) Догадка, высказанная в J. Ф. IV, что формы на *-ín* могут восходить к новообразованиям **in̄**, **ina**³ сохраняет свое значение. Аналогия словинского позволяет также думать об иностранном влиянии, охватившем часть слов, — ср. словинск. *gospodín* (при рез. *guspudín*) *velikân* с *˘*, отражающим интонацию схожего итальянского суффикса. Что касается др.-чешских *spravedlív* и под., то здесь мы можем иметь дело с диалектическим фонетическим удлинением перед *v*.

Вторая возможность: — если в чешском и словацком имело место сохранение заударной акутированной долготы, то лишь в

¹ Ср. *-ach* в ходском наречии.

² С. Кульбакинъ, Къ истории и диалектологии, 195. Можно, однако, догадываться и о том, что **nas̄**, **vas̄* имели (только в gen ?): удлинение (перед *̄*?) Ср. шток. *nās*, *vās*, при чак. (Novi) *nās*, *vās*.

³ Точка за гласным — знак его подударности.

слоге, за которым отпал редуцированный. Тогда *vránám, rybám, vranách, rybách* пришлось бы считать фонетическими формами, а *rukám, rukách* и под. подвергшимися их влиянию. И это допущение имеет много случаев, ему противоречащих: *plakal, mazal, ranil, kravař* (при *rybář*, -e, которое, скорее всего, из **rybārjъ, rybārja*). Между тем, как подтверждающие его случаи, вне спорной категории, о которой у нас сейчас идет речь, единичны; см. сделавшиеся именами существительными *adjectiva possessiva Tetlín, Miletlín* и под. (Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, I § 506).

Для полноты освещения вопроса упомяну еще, что польское диалектическое *w ten czás (f tyn čas)*, которому придавали значение Кульбакин и Розвадовский (Къ истории и диалектологии польскаго языка, 141, *Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego*, 317), мне представляется отражающим влияние параллельного **do tych czas*: ср. *da õtyxcás* в зебржидовском говоре с рефлексом формы gen. plur. (приведено у Кульбакина, стр. 132).

С вопросом о сохранении заударной долготы в подобном положении связан другой: Т. Лер-Сплавинский („О *prasłowiańskiej metatonji*“, стр. 21—22, 23) видит указание на метатонию акутированного слога перед акутированным в чешск. *lipa — lipám, míra — mэрám*, словинцк. *luḡpata — lepǎtoḡm, kuḡbǎlǎ — kobǎloḡm*, чешск. *lipa — lipách* словинцк. *luḡpata — lepǎtách*. Чакавские и словинские факты этому противоречат. В чешском проще видеть нормальное для него сокращение начального подударного акутированного гласного многосложного слова,¹ а в словинцком — отсутствие переноса на четвертый слог конца (для эпохи сохранения редуцированных — ср. *Mikkola, Urslavische Grammatik* § 123). Ср. те же явления в *o*-основах в *dat. pl.* и *loc. pl.*, где нет серьезных оснований говорить об акутированности следовавших за корнем гласных: чак. *dat. pl. vlǎsǎn*; что касается *loc. pl. vlǎsth*, то теперь я вижу в нем фонетическую форму, отражающую случай редкого положения „старая циркум-

¹ Для положения „трехсложное слово, в котором третий, конечный слог образовывался редуцированным гласным“ думаю теперь, что фонетическим было сокращение начального подударного лишь при сохранившейся долготе последующего: ср. *acc. sg. máteř, kámen*, но *jastřáb, jestřáb*.

Если так, то смущавшее меня раньше *vítěz*, как форма *nom. sg.*, делается понятным. Повидимому, в чешском рефлекс **edzъ*, имевшего циркумфлектированную интонацию, сокращался: ср. *řetěz, m. б., robotěz*.

Peníz, может быть, заимствование, не восходящее к праславянскому, — ср. *e* вм. ожидаемого **ě*. Словацкое *vít'az*, вероятно, заимствовано из чешского.

флектированная долгота¹ перед циркумфлектированной, за которой следовал редуцированный, т. е. **volāēchъ* (ѣсть интонацией циркумфлекс < o| с циркумфлектированной интонацией дифтонга с краткой слоговой частью) перешло в **volse̋chъ* с новоакутовой интонацией подударного *ě*; ср. и *brodih* из положения „краткость — циркумфлектированная долгота — редуцированный“. Параллель к чакавским фактам представляют словинск. *dobēh*, словинцк. *daḡ'ē'x*. Из этого типа долгота нефонетически проникала в отдельных языках в тип с акутированным гласным корня: словин. *gādih* < **gādēchъ*, чешск. *hadich*, словинцк. *xluōpje'x*.

Что касается других случаев, где речь могла бы идти о метатонии, предполагаемой Лером-Сплавинским, то частичные объяснения словинского вторичного $\hat{}$ мною даны в J. Ф. IV, и к ним добавить приходится немного. Названия мяса на *-ētina* получили свое *-ē-*, скорее, не из plur. *gosēta*, и под., а из типа *žrēbē -žrēbēta*. Это хорошо бы позволяло понять *kūretina*, к каковому месту ударения не имелось соответственной параллели с начальным $\hat{}$ в единственном числе названий животных. Заслуживает внимания и приводимое Р. Брандтом („Начертание славянской акцентологии“, стр. 293) фонетическое *govēdina*, не отражающее влияния plur. *govēda*; *govēdina* у Плетершника явилось, вероятно, под влиянием всего типа названий мяса.

О том, что метатония $\hat{}$ перед сохранявшимися когда-то в словинском долготами отнюдь не должна обязательно считаться сплошь праславянским явлением, свидетельствуют приводившиеся мной слова с суффиксом *-avt* из герм. *-olt* (Rad XLV, 116). В параллель им следует поставить еще угорск. *židov* — *žid* с суффиксальным *-ov* из мадьярск. *ó*.

Я утверждал в J. Ф. IV, 118 и сл., что в качестве сохранившихся заударных долгот выступали в срединных слогах лишь акутированные носовые. Сейчас добавлю к полабскому материалу, взятому мною тогда из „Etymologisches Wörterbuch“ Бернекера, (по невозможности получить „Die Sprachreste der Dravāno-Polaben“ Роста), также то, что дает Рост: *pójāk, zójāc* (в полабском ударение на следующий циркумфлектированный гласный переносится, Mik-kola, Urslav. Grammatik § 115, Lehr, Ze studjów nad akcentem słowiańskim 70—71). Остается занять определенную позицию отно-

¹ Т. е. не являющаяся продуктом переноса срединной циркумфлектированной интонации к началу.

сительно чешск. диалект. *ovád*, *hovád* (gen. s. *-áda*) при *ovad*, *hovad*, слцк. *ovád*, *obád*, чак. *ǫbád*, *ǫbád*, *-áda* (gen. pl. *ubádŕh*), шт. *ǫbád*, слов. *obád* и *obád*, укр. *ǫvad*.

Оба варианта, на которые указывает словинский, в чешском и словацком отразились бы с краткостью (ср. весь префиксальный тип *o*-основ в чешском с краткостью корневого гласного); случаи вроде *požár*, *prošŕp* (при *prošŕp*) имеют и простые *žár*, *šŕp*; заслуживает при этом внимания также укр. род. п. *ǫжару*, русск. диалект. (южное?) род. п. *ǫжара*. Так как, однако, слово, с которым мы имеем дело, принадлежит к одушевленным, то возможно, что *ovád*, отражает фонетическую форму nom. sg., параллельную словинск. *obád*, вытесненную в большинстве префиксальных образований формами других падежей ед. и множ. числа. Это толкование, конечно, возможно лишь при условии принятия правила о сохранении в чешском подударной акутированной долготы конечного слога, за которым отпал редуцированный.

2. Закон Розвадовского.

После исследования Ван-Вейка (Arch. f. slav. Phil. XXXVII, 1 и след., ср. также „Die balt. u. slavischen Akzent u. Intonationssysteme“, § 21) нет, мне кажется, серьезных оснований сомневаться, что исходное ударение в типах **vodi'ti* : **vo'dišb*, **chvali'ti* : *chva'lišb* лежало на примете класса. Это убедительно доказывают образования от старых *oxytona žena*, **chvala*, **sqd** и под.: русск. *же'нишься*, словинск. *žėniš* и т. д., русск. *хва'лишь*, словин. *hváliš* и т. д., русск. *судишь*, слов. *sqdiš* и т. д. Отступления вроде **grėši'sb* : **grėchs* единичны и не могут серьезно поколебать существа теории.¹

Принимая мнение Ван-Вейка в этой части, я тем самым отказываюсь от самого сильного аргумента в пользу закона Розвадовского, которого держался раньше, и потому ставлю его теперь под большое сомнение. В многосложных словах я не имею теперь достаточно убедительных примеров его действия по отношению к

¹ Что касается, однако, выводов Ван-Вейка о том, что класс **chvali'ti* : **chva'lišb* имеет *i* из **i*, то они мне не кажутся убедительными, пока не найдены параллели к предполагаемому им передвижению ударения с долгих монофтонгов средних слогов к началу в виде новоаккутовой интонации на былых циркумфлектированных долготях. Подробнее — в *Zeitschrift f. slav. Phil.* I, стр. 222 и сл. В словинск. *prāvīš* и под., мне кажется, и сейчас можно видеть отражение **prāvīšb* > **prāvīšb* с **i*, сохраненным в заударном положении ввиду его особого происхождения — из **eje*, а не из индо-европейского монофтонга. Ср. и чешск. *pravīš* и под.

начальному слогу: в словинском и чакавском перед **ivo* мне неизвестны примеры новоакутовой интонации (рефлексов *˘*), чешские же *louživo*, *svřtivo*, весьма возможно, отражают просто долготу соответственных глаголов *loužiti*, *svřtiti* и т. д., ср. и словинцк. *mlōčivo* „Milchwaare“ (к *mlōučko* „Milch“). Для других положений известная убедительность принадлежит еще образованиям префиксального типа: чак. *nāvada* и под., но на одних их базироваться трудно, тем более, что и сами они остаются свидетельствами спорными.¹

В nom. accus. pl. neutr. теперь я тоже не могу видеть свидетельства циркумфлектированности флексии (ср. Ван-Вейк, Roczn. Slaw. IX, 80—81). Говорящая в пользу такого мнения форма словинских глаголов типа *lovila* (ср. sg. fem. *lovila*), скорее всего, — результат влияния других форм plur. *lovile*, *lovili*.

3. Отражение рефлексов индо-европейских дифтонгов в конечных слогах в виде долгот.

В *o*-основах и *u*-основах, как я указывал, в пользу этого положения свидетельства:

Loc. sg. слов. (*pri*) *brātu*, *gādu*, словинцк. *vōlū*, *břegū*. Instr. plur. слов. (*z*) *brāti*, (*z*) *gādi*, *z grobī*, *z bogī*, словинцк. *brāṭī*, *χlūōpī*. Подчеркну еще диал. чешск. *chtapŭj*, *svātkŭj*, *vratŭj*, может быть, *grŭxŭū*, *ūŭle-cŭū* Киевского Миссала. Что здесь дело не во влиянии окончания **mī*, которое само нуждается в объяснении, ясно хотя бы из того, что чешские диалекты, имеющие *ŭj*, часто не имеют рядом *mī*, а в словинцком наоборот — **mī* подверглось влиянию **y*, о чем свидетельствует *mī* вместо ожидаемого *mŭj*.² — Ср. теперь и Ван-Вейк „*Slavia*“ II, 4, стр. 597.

Dat. sg. на *-u*, где мы ожидали бы сходных явлений, имеет след долготы в словинцк. *brāṭū*, *χlūōpū*.

¹ Взгляд Вондрака (*Přispěvky*, § 115), объясняющего новоакутовую интонацию чак. *žēja*, *sūša*, слов. *žēja*, *sūša* и т. п. как результат изменения **žēdb*, **sūsb* в новообразованиях на *-ja*, при всей своей соблазнительности, не решает дела. Прежде всего, он не объясняет самого главного — долготы конечного *a*, свидетельствуемого словинской новоциркумфлексовой интонацией в случаях вроде *krāja*, *klāja*, *grīža*, словинцк. *vūōlā*, а затем оставляет полную возможность сомнения в существовании старых *i*-основ к **kōža*, **vōlja*. Не могу — добавлю кстати — согласиться и с его замечанием: „... slov. *prēja* (zde přechází starý akut někdy v cirkumflex, hlavně před délkou). — Курсив мой. — Показательны в смысле колебания долготы и краткости конечного слога в прошлом слов. *kōča* и *kōća*, *krāja* и *krāja* и под.

² F. Lorentz, *Slovinzische Grammatik*, стр. 237.

Возможно, что когда-то в этой форме знал долготу и чешский: ср. *adverbia* др.-чешск. *k-večerú*, ново-чешск. *k-večerou*, др.-чешск. *k-posledú*, ново-чешск. *k-posledou*.¹

Для форм *gen. loc. dualis* показательны др.-чешск. *městú, chlapú*, ново-чешск. *kolenou*.²

Заслуживают внимания еще словинцк. *gen. sing. u-основ* *škúptú, viňvadú* и *voc. sg. -psǎ*.

В *i-основах nom. acc. plur.*, как теперь для меня ясно, действительно, фонетические формы: с ними (*viňosǎ, mǎšǎ*) совпадают словинские *pluralia tantum* — *jǎsli, gǎsli*. Замечу, что объяснение этих форм из первоначального *acc. pl.* на **ins* (ср., напр., Meillet, „Le slave commun“, p. 365) вполне согласуется с моей гипотезой.

Дифтонгическое происхождение *i* в *dat. sg.* мне представляется, если не говорить о деталях, вполне доказанным (см., напр. Meillet, Op. cit., p. 363—364); поэтому в словинцк. *dat. sg. viňosǎ, mǎšǎ*, словин. *niti* я вижу фонетические формы. Для *gen. sg.* свое значение сохраняет сказанное в J. ф. IV. — Относительно *nom.—accus. dualis*, где словинцкий указывает на долготу *i* — *mǎšǎ, viňosǎ*, в то же время обнаруживая краткость в *viňǎčǎ, viňšǎ*, я не могу придти ко вполне определенному решению: резьянск. *nom. acc. dualis dri kukusi* говорит в пользу акутированного окончания, т. е. **i*, — в таком случае ожидалась бы краткость конечного гласного, и, может быть, этому соответствует слов. *prǎsi*, но тогда краинские формы *nom. acc. dualis* с ударением основы пришлось бы в случаях циркумфлектированной или краткостной интонации корня считать аналогическими и не видеть в них свидетельства праславянской старины. Если же, наоборот, резьянская форма новообразование (что более сомнительно: откуда?), то циркумфлектированная интонация конечного гласного делала бы вероятным наличие в праславянском дифтонга с краткой слоговой частью. Словинцк. *viňǎčǎ, viňšǎ* фонетически отвечают, что касается окончания, индо-европейскому **i*. Праславянское место ударения и циркумфлектированную интонацию конечного *i*, о котором свидетельствуют полабск. *vũcǎǎ, vauscǎǎ*, они получили, может быть, от *nom. acc. dualis jo-основ neutr.*

¹ J. Gebauer, *Historická mluvnice* . . . III, 1, § 29.

² Свидетельствует ли предударная краткость в серб. *prǎkǎ*, словинц. *roki* о том, что **i* здесь из **oju* (ср. Lorentz, *Slovinzišche Grammatik* 251)? Возможно что в других случаях, где перед рефлексами дифтонгов выступает долгота, именно она является нефонетической, проникшей из других падежей парадигмы.

Существенная поправка в гипотезу о конечных долготах, изложенную мной в J. Ф. IV., стр. 133 и сл. могла бы быть внесена под влиянием Лера-Сплавинского в том смысле, что метатония акутированной интонации в новоциркумфлексовую, по крайней мере, в словинском, совершалась лишь перед сохранившимися сверхдолготами¹ (и в некоторых специальных условиях). В словинском в пользу этого говорил бы, напр., *dat. sg. brátu*. Если так, то словинские *gen. dat. sg. nīti, kopēli* (ном. *sg. kópel*) нужно было бы считать аналогическими формами, видя фонетические в *mīsi*, и по поводу *instr. plur. o*-основ думать, что чак. *vlāsi* новее, чем словинск. *daǫf*. Возможно, однако, что в этом пункте условия метатонии не были в обоих языках тождественны. Я считаю вероятным, что в словинском действовал закон, неизвестный словинскому: новоциркумфлексовая интонация изменяется в акутированную перед следующим циркумфлектированным слогом. Таким образом *nom. sg. dōplāta* — *acc. sg. dūǫplataǫ*, *nom. sg. vōslānā* — *acc. sg. vūǫslānā*,² *nom. sg. kōǫzēl* : *gen. sg. kōǫzēlā*.

4. Некоторые частности.

К сūр. 126. Стоит внимания, что у Брандта (Начерт. 276) — *pádež, a, pálež -a*.

На сūр. 129 (12 стрк. снизу) опечатка — следует ^ъ ^ъ ^ъ. Оговорка эта, согласно со сказанным о *nom. acc. pl. neutr.* и о законе Розадовского, отпадает.

По поводу форм *gen. pl. (сūр. 131)* готов теперь согласиться, что словинская форма на *ā* — новое явление — ср. Leskien, *Gramm. der serbo-kroat. Sprache* §§ 726—727, F. Ramovš, *K poznanju praslovanske metatonije, Slavia II, 2—3, 210—213*. О долготе *ъ* для праславянского мне, однако, кажется справедливым думать и сейчас. (Ср. среди новых мнений — С. Кульбакин, Акценатска питања § 151 J. Ф. III, стр. 62).

Не сомневаюсь теперь, что формы *gen. sg.* и *nom. acc. pl.* на *-e* (*ср. сūр. 132*) в словинском явились позже метатонии акутированных долгот в новоциркумфлектированные.

Считаю вслед за Лером и Ван-Вейком словинц. *cažāu* новым (стр. 133), что, однако, не меняет сути дела: доказательность в

¹ Ср. О *praszlowiańskiej metatoniji*, стр. 138.

² С исходным **ina*. Новоциркумфлексовая интонация явилась на заимствованном из немецкого суффикса (*-in*). От образований типа *vōslānā* = ослица она перенесена и на *vōslācā, vōslānā*.

пользу наличия конечной долготы сохраняется за словинцк. *vùoldá*, др.-пол. *wolá, dolá* и др.

По поводу словинск. *hčŭ*, сербск. *khŭ* (ср. стр. 133) принимаю довод Лера, опирающийся на полабск., в пользу того, что флексия здесь исконно циркумфлектированная.

Концепция *imperativa* (сѣр. 135—136) должна быть изменена в том смысле, что, как доказывает **modzi*, vьzmi** и в I классе *i* было акутированным. Появление новоциркумфлексовой обявано, вероятно, энклитическим словам, часто осложнявшим эти формы (ср. *Zeitschr. f. slav. Phil. I, 228*).

О формах *praesensa* (стр. 139) я предполагаю подробно говорить в следующем этюде и ограничусь пока лишь замечанием, что метатонию во многих типах, по моему, должно трактовать как праславянскую.

II а.

Из положений, нуждающихся в изменении, я прежде всего отмечу, что, повидимому, перенос через слог, в котором раньше был редуцированный (ср. стр. 144) нужно считать в словинском явлением фонетическим: *òvьse > ovcĕ*.

Что же касается случаев вроде *pŏmnĕti, pŏdgavra, sŏvka* и т. п. то частью они (*sŏvka* и под.) отражают влияние образований с новоциркумфлексовой, частью нуждаются в объяснении и в других отношениях (*pŏmnĕti* — см. *ρ*). Укажу еще, что русский говор Леки свидетельствует о праслав. **rŏmnĕti* — *їомни* (Шахматов, Изв. XVIII, 4, стр. 187).

Существенный факт, не отмеченный мною, представляют пот. асс. pl. *ŏkna, kŏla*. По поводу первого я был введен в заблуждение корректурным недосмотром Брезника (*Arch. f. slav. Phil. XXXII, 401 — ŏkna*);¹ *kŏla* же мне представлялось нефонетической формой вместо **kolá > kŏla*. (ср. теперь и F. Ramovš J. Ф. II, 3—4, 229). Как бы, однако, дело ни обстояло с последней, по поводу *ŏkna* приходится думать, что здесь *ρ* вызвано особой природой перенесен-

¹ Корректурa *ρ/ŏ* в большинстве лингвистических работ до сих пор плоха, так как этому различию большинство ученых, видимо, не придает серьезного значения. Не говоря о замечательной статье Валявца в *Rad'e 132*, которая как раз в этом отношении не дает всего, что из нее можно было извлечь (из ценной статьи Ф. Рамовша в J. Ф. II 3—4, узнаю, напр., что gen. pl. звучит *ŏvьs, lŏnьs*, а не *ŏvьs, lŏnьs*, как вслед за Валявцем указывал я на стр. 150), даже такой образцовый в корректурном отношении труд, как „*Vergleichende slavische Grammatik*“ Вондрака и во втором издании на каждом шагу смешивает эти знаки.

ного ударения. Если так, то можно было бы также догадываться о первоначальных формах членных прилагательных вроде **gōli*, утративших по аналогии имевших новоциркумфлексовую долготу, свое *’*, но сохранивших качество гласного.

Список неясных для меня форм с *o* вм. *o* (стр. 146) пополняю еще образованиями *pōstaren* „ältlich“, *pōstariš* „altmodisch“.

Харьков. Июль 1925. г.

Л. А. Булаховский.